

ОТЗЫВ
научного руководителя
на диссертационную работу Каинова Сергея Юрьевича
«Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI вв.
(по материалам Гнёздовского некрополя и поселения)»,
представленную на соискание
ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология.

Диссертация посвящена важному вопросу об особенностях формирования военной материальной культуры раннего периода истории Древней Руси. Этот вопрос не имеет длительной истории и обширной историографии. Большинство работ, в которых охарактеризованы находки предметов вооружения, происходящие с многочисленных памятников Древней Руси, представляют собой традиционные вещеведческие публикации. Единственная работа, в которой кратко был рассмотрен вопрос о путях и времени формирования комплекса древнерусского вооружения, вышла почти 50 лет назад – это раздел в третьем томе обширного исследования А.Н.Кирпичникова, посвященного древнерусскому оружию X – XIII вв. (Кирпичников, 1971). За прошедшие годы расширился список исследованных памятников, новыми находками значительно пополнились коллекции, появился ряд публикаций, уточняющих ареал или датировку известного ранее материала. В числе таких памятников особое место занимает Гнёздовский комплекс археологических памятников, ежегодно пополняющийся в результате раскопок коллекции которого, легли в основу для работы С.Ю. Каинова.

Актуальность темы, избранной С.Ю. Каиновым для изучения, не вызывает сомнений. Новизна и значимость исследования проявляется в анализе и обобщении накопленных с середины XIX в. по настоящее время археологических материалов, происходящих из Гнёздова и целого ряда синхронных ему важнейших памятников начального периода формирования Древнерусского государства. Большое значение имеет, в том числе, введение в научный оборот результатов раскопок последних лет.

Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения и сопровождается объемистым приложением в виде каталогов, таблиц, карт, фотографий и рисунков, списком использованной и цитируемой автором литературы, списками сокращений и иллюстраций.

Во Введении обоснована актуальность выбранной темы, цель и задачи исследования, кратко охарактеризована методика, географические и хронологические рамки работы, а так же все виды использованных источников. Источниковой базой для

исследования в первую очередь стали материалы из раскопок Гнёздовского комплекса археологических памятников, хранящиеся в фондах таких крупных музеев как Государственный Эрмитаж и Государственный исторический музей, привлечены материалы фондов Смоленского государственного музея-заповедника и коллекции, временно хранящиеся в учебном музее кафедры археологии исторического факультета МГУ. Для уточнения контекста находок предметов вооружения активно использованы полевые отчеты разных авторов, проводивших археологические раскопки Гнёздовского археологического комплекса, хранящиеся в архиве ИА РАН и ИИМК РАН, а так же публикации аналогичного материала, происходящего с других памятников этого периода. Большое значение имеет тот факт, что С.Ю. Каинов принимает участие и руководит археологическими раскопками в Гнёздове на протяжении многих лет. Он собственными руками расчищал, извлекал и реставрировал некоторые находки, ему же принадлежат многие полевые рисунки и фотографии материалов.

Целями исследования, определенными С.Ю. Каиновым во Введении, являются: представление детализированной картины формирования комплекса боевых средств Гнёздова – одного из наиболее полно изученных раннегородских центров Руси, и выявление особенности этого процесса. Достижению поставленных целей служат четко сформулированные задачи, суть которых состоит в следующем: сбор и систематизация всей информации о предметах наступательного и защитного вооружения и их количестве, найденных в Гнёздове за весь период археологического изучения комплекса; выяснение круга аналогий предметам гнёздовской коллекции для уточнения времени их существования и изучения динамики и источников формирования гнёздовского комплекса боевых средств; сравнение полученных результатов с материалами аналогичных древнерусских памятников. Результаты решения трех названных задач подробно рассмотрены автором в главах II и III.

В I главе отдельное внимание С.Ю. Каинов уделяет истории изучения как самого памятника, так и найденных здесь предметов вооружения. Этот краткий обзор представляется очень уместным – он дает ясное представление о неравномерном и сложном процессе формирования гнёздовской коллекции. Историография гнёздовского вооружения, изложенная во втором разделе этой же главы охарактеризована с исчерпывающей полнотой. В данной работе нет выделенной главы или специального раздела по общей историографии оружия этого периода. Однако довольно подробно о ней говорится в соответствующих разделах следующей главы, посвященных отдельным видам оружия, что делает эти разделы еще более интересными (например, раздел о мечах).

Рассмотренный во II главе комплекс находок предметов вооружения с территории Гнёздова по сравнению с некоторыми другими памятниками Руси того же периода отличается заметным разнообразием и насчитывает более 860 предметов, которые распределены автором по принятым в оружейведении группам: наступательное оружие – защитное вооружение. Наступательное оружие, в свою очередь, подразделяется на оружие ближней и средней дистанции и оружие дальней дистанции боя и снаряжение лучника. В этом вопросе автор критически учитывает разработки польских и белорусских коллег (Marek, 2008; Плавинский, 2013 и др.).

Подробно рассматривая предметы, С.Ю. Каинов активно использует типологии, предложенные и опробованные как отечественными (Кирпичников, 1966, 1971; Медведев, 1966; Крыганов, 1987 и др.), так и зарубежными (Petersen, 1919; Stein, 1967; Solberg, 1984; Wegraeus, 1986 и др.) авторами. Редким исключением является сюжет о наконечниках ножен мечей – в этом случае автор опирается на предложенную им самим достаточно убедительную типологию (Каинов, 2009).

Определяя тип того или иного предмета вооружения, автор попутно затрагивает вопросы хронологии и убедительно уточняет в ряде случаев даты отдельных находок, ссылаясь на опубликованные и убедительно датированные аналогии, происходящие как с территории Руси, так и Северной Европы.

В главе III тщательно анализируется контекст находок, происходящих из Гнёздова. При этом автор много внимания уделяет проблеме хронологии Гнёздовского археологического комплекса памятников, обращая внимание на некоторые находки предметов, основное время бытования которых заметно отстает от даты возникновения Гнёздова, принятой рядом исследователей. Очень важен результат проведенного анализа отобранных погребальных комплексов и стратиграфических данных пойменного участка гнёздовского селища, которые позволяют вернуться к предложенной в 1970-х годах дате отправной точки гнёздовской хронологии – 920-930 е гг., т.е. времени появления гончарного круга (Каменецкая, 1977).

На основе проведенного анализа С.Ю. Каинов выделил два хронологических блока погребений с мечами: первый – до середины X в., второй – вторая половина X в. Привлекает внимание сравнение хронологической схемы Каинова с системой хронологических блоков, предложенной В.А. Булкиным, частично основанной на том же материале. Отмечу, что проблема хронологии Гнёздова остается дискуссионной и ее решение потребует еще немало усилий.

В рамках вопроса об археологическом контексте находок С.Ю. Каинов подробно рассматривает гнёздовские погребения с находками предметов вооружения, опираясь на

предложенную более 20 лет назад Ю.Э.Жарновым выборку в 345 достоверных комплексов из более чем 1000 раскопанных насыпей (Жарнов, 1992). Очень интересен анализ возможных наборов предметов вооружения, показавший преобладание захоронений, содержащих лишь один предмет. Эти наблюдения важны в связи с непростым вопросом о критериях определения погребений дружинников.

Несомненный интерес представляют наблюдения С.Ю. Каинова о распределении оружия по группам погребений, отличающихся обрядом. В связи с характеристикой Гнёздова как памятника, оставленного полиэтничным населением, привлекает внимание сюжет об «особом обращении с оружием», зафиксированный почти в 9% погребений – это не мало. Данный обряд совершенно не свойственен славянской культуре, но хорошо известен по материалам скандинавских памятников.

Сравнение Гнёздовского некрополя по количеству погребений с оружием и составу этих находок с другими близкими ему по характеру памятниками, такими как курганы Тимерева, Шестовицы и др., показал очевидное его преимущество – более 18% погребений. Достаточно убедительно автор показал близкое сходство между материалами гнёздовского, киевского и черниговского некрополей, отметив близость уникальных комплексов так называемых больших курганов Гнёздова и Чернигова.

Отдельный раздел посвящен подробному анализу находок предметов вооружения на Центральном гнёздовском поселении, откуда происходит чуть более 51% всей коллекции. Набор предметов вооружения, происходящих из культурного слоя, практически не отличается от представленного в курганах. Автором верно отмечена заметная концентрация предметов вооружения на территории Центрального городища и одном из участков селища. Это объясняется С.Ю. Каиновым расположением здесь какой-то части профессиональных воинов, т.е. дружины, а находки деталей мечей – «ремонт и деятельностью мастеров-оружейников» (см. Ф.А. Андрощук, 2001).

Интересно сравнение материалов гнёздовского поселения с материалами Рюрикова городища под Новгородом и Сарского городища, расположенным неподалеку от Ростова Великого. С.Ю. Каинов совершенно справедливо отмечает удивительно небольшое количество находок предметов вооружения на Рюриковом городище, что мало соответствует трактовке его как военно-административного и торгово-ремесленного центра, где во второй половине IX – X вв. могла располагаться резиденция князя и значительная группа воинов-профессионалов.

Глава IV, собственно, аккумулирует все наблюдения, сделанные в предыдущих главах относительно находок предметов наступательного и защитного вооружения на гнёздовском поселении и в курганах, об ареалах их аналогий, датировке и т.д.

В заключительной главе С.Ю. Каинов возвращается к проблеме хронологии Гнёздова, обращаясь к отдельным находкам ранних типов, происходящих с территории поселения и из курганных комплексов. В целом не вызывает возражений взгляд автора на Центральное городище как на один из наиболее ранних участков гнёздовского поселения. Нельзя не согласиться с автором и в том, что гипотеза об освоении уже в IX в. других участков поселения, занявшего к концу X в. площадь около 30 га, еще требует дополнительных аргументов.

Отмечая, что содержавшие оружие самые ранние курганы относятся к первой половине X в., автор видит их в составе Лесной и Центральной групп, что совпадает с высказанными ранее предположениями (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012; Каменецкая, 2014). Важно заключение о том, что в числе наиболее ранних погребений оказываются содержавшие предметы вооружения североевропейского и характерные скандинавские украшения и амулеты. Среди этих погребений одиночные, парные, а так же один наиболее богатых Больших курганов Гнёздова, который по смелому предположению автора мог быть «усыпальницей первого архонта Милиниски». В составе инвентаря уже этих ранних погребений С.Ю. Каинов отметил появление предметов, происходивших территории обитания славянского населения роменской культуры. К этому же периоду, С.Ю. Каинов относит появление некоторого числа наконечников стрел, характерных для западных славян, а так же некоторых редких и дорогих предметов из набора вооружения. В этом периоде, впрочем, как и позже, связь славяно-скандинавского населения Гнёздова с местным раннекривичским населением по предметам вооружения никак не прослеживается. Данное наблюдение еще раз подчеркивает особый характер Гнёздова как раннегородского центра.

Второй период существования Гнёздова, начавшийся в середине X в., сопровождается двумя явлениями: увеличением количества предметов вооружения североевропейского происхождения и появлением вещей, связанных с кочевническим миром. Эти предметы появляются, как считает автор, в связи с возникшей необходимостью вести военные действия с отрядами степняков и тяжеловооруженной византийской конницей. К концу этого периода автор относит появление уже собственно «древнерусских» предметов вооружения, широко распространившихся на значительной территории Восточной Европы.

Суммируя все полученные результаты и привлекая материалы других синхронных Гнёздову древнерусских памятников, С.Ю. Каинов выделяет три этапа в процессе сложения комплекса древнерусского вооружения: предгосударственный (до

конца IX в.), скандинавский (конец IX – середина X вв.), древнерусский (от середины X в.).

Все три этапа достаточно убедительно характеризуются несколькими основными традициями, в значительной мере обусловленными тактикой ведения боя с участием профессиональных воинов. Причем для первого этапа отмечено незначительное число находок предметов вооружения воина-профессионала, большинство которых имеет североευропейское происхождения, группируясь в лесной зоне на севере будущей Руси, или салтовское (хазарское) происхождения, группируясь в лесо-степной полосе на Левобережье Днепра. Т.Е. здесь отмечены две традиции, скандинавская и кочевническая, которые продолжали сохраняться и в дальнейшем, стимулируя появление собственно древнерусских форм некоторых из предметов вооружения (например, топоров). Со вторым этапом связано заметное расширение ареала и перечня предметов вооружения скандинавского происхождения, характерного для ведения пешего боя; к этому же времени можно относить и появление дружинников, т.е. воинов-профессионалов, в число которых входили и представители местных племен. С третьим периодом автор, отмечая постоянное пополнение арсенала военного снаряжения североευропейскими образцами, связывает появление конных воинов, что было вызвано тесными контактами с кочевническим миром. Именно в этот период, как аргументировано показал С.Ю. Каинов, складывается собственно древнерусский комплекс вооружения и начинается производства некоторых сложных в технологическом плане его видов (мечей).

Вывод С.Ю. Каинова о тесной связи процесса формирования древнерусского комплекса вооружения с двумя военно-техническими традициями звучит очень убедительно. Первая традиция, традиция пешего боя – это традиция славян, скандинавов и финно-угорского населения; вторая – конного боя – это традиция кочевых народов, хазар, печенегов, венгров. По мнению автора, постепенно в результате их взаимодействия сложился собственный древнерусский комплекс боевых средств.

Заключение содержит краткую характеристику использованной археологической базы и изложение полученных результатов и выводов. Можно с уверенностью сказать, что все поставленные автором задачи были им успешно решены.

Представленное диссертационное исследование имеет большое практическое значение. Его материалы и выводы могут быть использованы в музейной работе и преподавательской деятельности. Отдельную ценность имеет составленный автором каталог предметов вооружения с указанием мест хранения коллекций. Обработка и обобщение этой коллекции, несомненно, актуальны.

Автореферат полностью отражает структуру и содержание диссертации. Выводы диссертации полновесно отражены в печатных работах соискателя, в том числе в 4 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных Диссоветом и ВАК.

Считаю возможным ходатайствовать перед Диссоветом о принятии к рассмотрению диссертацию Каинова Сергея Юрьевича «Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI вв. (по материалам Гнёздовского некрополя и поселения)».

Т.А.Пушкина,
к.и.н., доцент кафедры археологии
исторического факультета МГУ

« 8 » октябрь 2019 г.

